

Крестовский Всеволод Владимирович

Тамара Бендавид

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Владимирович К.**
Тамара Бендавид / Крестовский Всеволод Владимирович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 508 с.

ISBN 978-5-519-91085-9

ISBN 978-5-519-91085-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

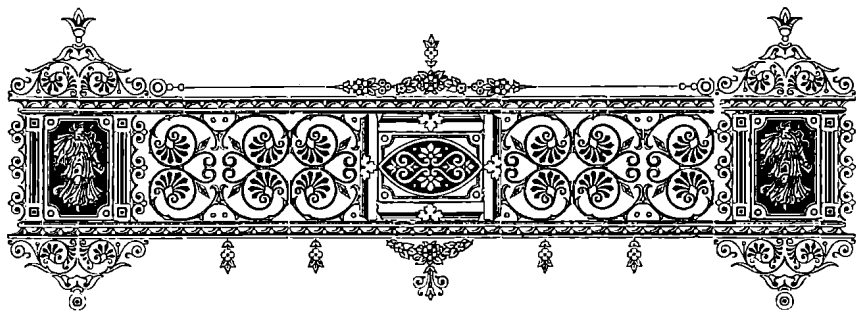
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТАМАРА БЕНДАВИДЪ.

Р О М А Н Ъ.

(Продолженіе романа „Тыма Египетская“).

ГЛАВА I.

Нежданнные гости.

Октябрь 1876 года. Слегка морозное утро. Рѣденькій снѣжокъ мелькаетъ въ воздухѣ и ложится на первую порошу, мягко запусившую собою озимыя поля и щеткою торчащія пожни.

Пассажирскій поѣздъ одной изъ второстепенныхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей центральной Россіи движется по широкой равнинѣ, пересѣченной небольшими сосновыми лѣсками. Въ отдѣльномъ купѣ перваго класса сидятъ четверо пассажировъ. Старикъ генералъ, въ „тужуркѣ“ съ красными лацканами, на которой отсутствіе погонъ прикрывалось накинутою сверху шинелью,—маленькая невинная хитрость, къ какой прибѣгаютъ многіе отставные военные, не желающіе казаться отставными. Въ петлицѣ тужурки у генерала видна полосатая оранжево-черная ленточка, и бѣлѣетъ георгіевскій крестикъ. Рядомъ съ нимъ, запрокинувшись головою въ бархатную спинку дивана и вытянувъ впередъ ноги, сидитъ молодая элегантная

женщина, одѣтая въ мягкое дорожное платье съ широкимъ *matiné*, которое однако не въ состояніи скрыть ея интересное положеніе. На лицѣ этой особы замѣтно нѣкоторое утомленіе—быть можетъ, отъ дороги, быть можетъ, отъ этого ея „положенія“. Противъ этой пары сидятъ два молодыхъ офицера; одинъ—армейскій уланъ, другой—гвардеецъ. Послѣдній, съ кислотоватымъ видомъ несовѣмъ выпавшагося человѣка, апатично позѣвываетъ и равнодушно глядитъ въ окошко на мелькающіе мимо кусты и столбы телеграфа, тогда какъ чуткое вниманіе его сосѣда всецѣло сосредоточено на сидящей противъ него элегантнои особѣ. Онъ старается незамѣтно для нея уловлять въ ея лицѣ малѣйшее движеніе нервовъ, малѣйшій взглядъ или складку бровей, чтобы предугадать ея мысль, ея желаніе, ея капризъ и стремительно исполнить все, что ей хочется.

Общее молчаніе. Генераль, время отъ времени, нервно поводитъ скулами, покусывая набѣгающіе на губы кончики длинныхъ сѣдыхъ усовъ, и пробѣгаетъ глазами смятый нумеръ „Голоса“, но видно, что мысли его озабоченно вертятся на чемъ-то иномъ... Порою онъ нетерпѣливо, съ недовольнымъ видомъ взглядываетъ то въ окошко, то на свои часы и сердится на медленно ползущій поѣздъ. Сосѣдка его будто дремлетъ въ своей покойной полудежащей позѣ, а сама тоже думаетъ о чемъ-то неотвязномъ и непріятномъ. Въ лицѣ ея при этомъ сказывается порою какъ-будто тѣнь сомнѣнія, сгоняемая затѣмъ выраженіемъ непреклонной, твердой рѣшимости. Въ этомъ купѣ, повидимому, сидятъ все „свои“—или родные, или близкіе между собою люди, ѣдущіе въ одно и то же мѣсто, за однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

— Ага! вотъ онъ наконецъ! громко произнесъ гвардеецъ, ни къ кому собственно не обращаясь, и съ болѣе живымъ вниманіемъ приблизилъ лицо свое къ стеклу.

Вслѣдъ за нимъ и всѣ остальные устремили оживившіеся любопытствомъ взгляды въ то же окошко.—Гдѣ? Что такое?

— Городъ Кохма-Богословскъ—русскій Манчестеръ,—такъ насъ въ географіи учили.

Предъ вышедшимъ изъ лѣска поѣздомъ вдругъ открылась оригинальная картина.

На склонѣ равнины, покатою къ излучинѣ лѣваго берега рѣки Уходи, и на другомъ, приподнятомъ и нѣсколько всхолмленномъ берегу ея раскинулся среди небольшихъ садовъ городъ, производящій совершенно своеобразное впечатлѣніе. Множество высокихъ фабричныхъ и заводскихъ закоптѣлыхъ трубъ, попережку съ высокими бѣлокаменными колокольнями и златоглавыми куполами старинныхъ церквей,—это сочетаніе неугомонной, кипуче-прогрессирующей промышленной дѣятельности нашего вѣка съ величавыми, вѣковѣчными символами „древляго благочестія“, смѣшеніе грохочущаго шума ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ съ гуломъ церковнаго благовѣста — все это дѣлаетъ оригинальный городъ совѣмъ непохожимъ на другіе города Россіи. Развѣ только въ нашихъ двухъ столицахъ встрѣчается такое сочетаніе фабричныхъ трубъ и церковныхъ колоколенъ, но тамъ оно, въ общей картинѣ, вовсе не кажется чѣмъ-либо особеннымъ, среди обширныхъ предмѣстій и городскихъ окраинъ, раскинувшихся на многіе десятки верстъ по окружности,—тамъ оно какъ бы ступшевывается и расплывается въ самой обширности и широтѣ всей панорамы той или другой столицы; здѣсь же все это является скученнымъ на весьма небольшомъ, сравнительно, пространствѣ, и всѣ эти фабрики и заводы составляютъ самый городъ, самое ядро его, характернѣйшую его черту какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ.

Поѣздъ замедленнымъ ходомъ приближался къ станціи. Пассажиры первокласснаго купе, приготовляясь къ выходу, принялись торопливо разбираться въ своихъ дорожныхъ вещахъ и помогать укладкѣ въ широкій пледъ подушечекъ и бауловъ своей спутницы. Еще минута, еще послѣдній толчекъ отъ эластически столкнувшихся между собою буферовъ и — стопъ, машина! Приѣхали.

Нагрузивъ вещами втиснувшихся въ купе носильщиковъ, четверо первоклассныхъ пассажировъ сошли, вслѣдъ за ними, на людную платформу, оглядываясь по сторонамъ съ тѣмъ нѣсколько недоумѣвающимъ и озабоченнымъ видомъ, какой всегда является у людей, впервые приѣзжающихъ въ совершенно незнакомый городъ, — къ кому жъ, молъ, теперь обратиться?

куда рядить извозчиковъ, въ какую гостинницу?—чортъ ихъ знаетъ!

Въ эту самую минуту, откуда ни возьмись, на встрѣчу имъ вынырнулъ изъ вереницы сновавшихъ въ обѣ стороны людей— молодой, жиденскій еврейчикъ въ „цивильномъ“ костюмѣ, и съ подобострастной любезностію приподнимая съ головы свой котелокъ, бойко обратился прямо къ улану.

— И ждрастуйте вамъ, гасшпадинъ поручникъ!... Не визнаете?

Тотъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ окинулъ его съ ногъ до головы недоумѣвающимъ взглядомъ.

— И когда жъ вы меня не визнаете?.. Я же зъ Украинску. Можетъ, помните гасшпадинъ Блудштейнъ, Абрамъ Іоселіовичъ?.. Ну, то я какъ разъ буду его пильмянникъ, Мордка Олейникъ... Олейникъ,—можетъ, помните?.. Я даже очень довольно хорошо знаю васъ, и гасшпадинъ енгираль знаю, и барышня знаю... Ждрастуйте вамъ, ваше первосходительство! говорилъ онъ съ любезною улыбкой, кланаясь поочередно и остальнымъ путникамъ, точно бы и въ самомъ дѣлѣ обрадовался старымъ знакомымъ. — Можетъ, вамъ извозчики надо?.. Можетъ, увъ какая гасштинница?—То все это зайчасъ!.. Позвольте вслужить... Я жъ издѣсь коммиссіонеръ и все знаю.

— Ну, вотъ и прекрасно, согласился поручикъ.—Нанимай четырехъ извозчиковъ и вези,—какая у васъ тутъ лучшая гостинница?

— Московски нумера, купецъ Завьяловъ держитъ... Самый лучшій гасштинницу, будете довольный.

— Валяй! Да гляди, живѣе!

Поручикъ даже обрадовался, что такъ неожиданно встрѣтилъ знакомаго человѣка.

Мордка Олейникъ добросовѣстно доставилъ новопріѣзжихъ въ „московскіе нумера“ купца Завьялова, гдѣ они заняли подъ себя четыре невзрачныя комнаты, считавшіяся „лучшими“. Суется болѣе даже, чѣмъ слѣдовало и съ необыкновенно значительнымъ и самодовольнымъ видомъ помогая вносить ихъ вещи, Мордка успѣлъ мимоходомъ сообщить не только „нумерному“, но и торчавшему у подъѣзда полицейскому жожа-

тому, что это-де очень важные господа, и онъ-де ихъ очень хорошо знаетъ,—старый знакомый съ ними,—и даже заранѣе зналъ, что они должны пріѣхать, потому что ему нарочно телеграфировали объ этомъ родные изъ Украинска, — онъ уже двое сутокъ поджидалъ-де ихъ на станціи. Пускаясь въ такія откровенности, Мордка тѣшилъ этимъ собственное самолюбіе. Онъ вообще былъ очень доволенъ и даже гордъ собою по случаю пріѣзда столь „важныхъ гостей“ и спѣшилъ подѣлиться своимъ гордымъ чувствомъ съ „номернымъ“ и хожалымъ, дабы и въ ихъ глазахъ поднять свое собственное значеніе, --- вотъ мы-де съ какими господами знакомы, вы что-себѣ думаете!

Хожалый, не дожидаясь дальнѣйшихъ подробностей, тотчасъ же побѣждалъ доложить полицеймейстеру, что какое-то важное начальство наѣхало — генералъ съ двумя офицерами и при нихъ барыня. Въ полиціи это пропзвело нѣкоторую сенсацію, и хотя усердному хожалому пришлось съѣсть дурака за то, что не узналъ толкомъ, какое начальство и какъ его фамплія, тѣмъ не менѣе, на всякій случай, полицеймейстеръ приказалъ приготовить себѣ мундиръ съ орденами,—можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ важныхъ экспромптомъ нагрянулъ—нужно будетъ явиться, значить, и представиться. Но, чтобы не зря натягивать мундиръ и не спороть горячку въ пустую, онъ напередъ командировалъ болѣе умнаго полицейскаго чина узнать обстоятельно, кто именно пріѣхалъ и по какой надобности.

Этотъ же вопросъ не менѣе интересовалъ и хозяина „номеровъ“, а потому, какъ только новопріѣзжіе успѣли осмотрѣться и расположиться по-домашнему въ своихъ комнатахъ, къ генералу явился „номерной“ съ графленою книгой и почтительно потребовалъ „пачпорта“ для записи въ книгу и заявки въ полицію.

Генералъ сначала было поморщился.—На кой чортъ сообщать это сейчасъ же! Не успѣли пріѣхать, ужъ и имена подавай, чтобы сорѣка на хвостѣ сію же минуту по всему городу разнесла! Генералу хотѣлось бы лучше сохранить, до поры до времени, полное инкогнито, и потому, съ привычнымъ ему начальническимъ апломбомъ, онъ коротко отрѣзалъ номерному, что это-де успѣется и послѣ. Но номерной заявилъ, что

таковъ порядокъ—„оченно ужъ нонѣ строго стало“—полиція, значить, требуетъ и, чуть что, съ хозяина штрафъ беретъ.— Нечего дѣлать, пришлось генералу подчиниться мѣстному „порядку“.

— Пиши! съ досадою приказалъ онъ нумерному:—Генераль лейтенантъ Уховъ съ дочерью и племянникомъ, гвардіи корнетомъ Засѣпкимъ.

Тотъ записалъ и даже съ кляксомъ, вытащивъ, по нечаянности, на перѣ заплѣснѣвшую муху.

— А другой господинъ тоже съ вами будутъ, или сами по себѣ?—освѣдомился нумерной.

— Съ нами, буркнулъ генераль:—поручикъ Пупъ, пиши.

— Пупъ-съ? переспросилъ тотъ, не довѣряя собственному слуху.

— Пупъ, говорю. Кажется, ясно. Аполлонъ Михайловичъ Пупъ, поручикъ... „Порядокъ“ тоже, чортъ возьми, завели! ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, похаживая по комнатѣ, пока тотъ записывалъ:—Дохнуть людямъ не дадутъ и ужъ съ „порядками“ лѣзутъ... Записалъ?—Ну, и убирайся къ чорту!

— На счетъ пачпортѣвъ еще доложить осмѣлюсь,—пачпортѣ пожалуете?

— Тѣфу ты, дьяволъ! Какъ банный листъ пристаешь! вспылилъ сердитый генераль, однако же досталъ изъ бумажника свой видъ и ткнулъ его нумерному:—На, и проваливай!

— А тѣхъ господъ какъ же будетъ?... На счетъ пачпортѣвъ, то-есть?

— У тѣхъ и спрашивай, болванъ! Нянька я тебѣ за ними, что ли?!

Оторопѣлый нумерной поспѣшилъ убраться.

Между тѣмъ у поручика Пука въ это время шла другая, весьма для него интересная бесѣда. Мордка Олейникъ, покончивъ съ переноской дорожныхъ вещей, явился къ нему въ номеръ за полученіемъ „благодарности“ и, въ то же время, освѣдомиться, не будетъ ли еще какихъ приказаній?—можетъ, дѣло какое? можетъ, купить что, или сбѣгать къ кому, или свѣдѣнія какія господину поручику угодно?—то за всѣми такими комиссіями онъ проситъ обращаться къ нему, Мордки

Олейнику, — дать ему „заработать“, — потому какъ онъ все это знаетъ и все это можетъ лучше всякаго другаго.

— Ты давно въ Кохма-Богословскѣ? спросилъ его поручикъ.

— Хто? Ми?... Ми вже три мѣсяцы издѣсь, съ достоинствомъ отвѣтилъ Мордка, котораго въ душѣ коробило, что Пупъ третируетъ его, такого цивилизованнаго еврейчика, на „ты“, вмѣсто того чтобы говорить ему „вы“ и „господинъ Олейникъ“.

— Экъ тебя куда шатнуло изъ Украинска! И чего ради? покачалъ на него поручикъ головою.

— Што дѣлать, надо кушать, надо хлѣба заработать, вздохнулъ, подернувъ плечомъ, Мордка. — Издѣсь жить ничего, можно. Насши тоже есть, за восемьдесятъ человекъ будетъ.

— За восемьдесятъ?! Ого! удивился поручикъ. — Даже п сюда пробрались... Ну, и что же, всѣ восемьдесятъ шахруете?

— Нѣтъ, зачѣмъ шахровать, — увсѣ при дѣлѣ: котораво портные, котораво часовщики, скорняки, ювелиры, мало ли тамъ...

— Ну, и закладчики, конечно?

— Н-ну, и што я знаю!.. Я жъ не закладывалъ, неохотно и поѣживаясь процѣдилъ Мордка сквозь зубы. — А издѣсь тоже вашъ старый знакомій есть, тоже зъ Украинску, круто свернулъ онъ вдругъ на другую тему, принимая прежній развязно-любезный тонъ.

— Кто такой? притворно полюбопытствовалъ поручикъ, догадываясь, о комъ идетъ дѣло.

— Хто?... Графъ Каржоль. Помните?... Издѣсь!

— Да? спросилъ Пупъ, съ видомъ полного равнодушія. — И давно онъ здѣсь?

— Три мѣсяцы. А дотогосена Москва жилъ, въ гасптинницу.

— Хм... И что жъ онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Шахруетъ... Когда жъ вы его не знаете, — увсегда шахруетъ. Увъ Москва кимпаніона себѣ знайшолъ, — богатый купецъ одинъ, — отецъ недавно померъ... И дуракъ же такой, звините, — вмѣстѣ теперь анцилиновый заводъ строятъ за пятнадцать верстовъ отъ города, когда у насъ и свой есть увъ городу. За чиво?... Глупій купецъ вѣрить и всево дѣла ему передалъ, даже и чековая книжка, а самъ больше все съ арфянками на Москва гуляетъ... Совсѣмъ глупій купецъ, какъ есть.

глупій... А Каржоль уже и служащихъ наймаетъ, беретъ задатковъ, обезпеченьевъ... Комедія!.. Пфе!

— Что жъ, онъ тамъ и живетъ, на заводѣ?

— Нѣтъ, живетъ издѣсь, а только ѣхаетъ на туды; каждыо дня почти ѣхаетъ... Лошади завелъ, хорошаво квартѣра,—этово онъ все умѣетъ, сами знаете.

— И здѣшніе фабриканы... ничего, вѣрятъ ему?

— Хто жъ его знаетъ!.. Издѣсь народъ, звините, такой, что ему все равно. Увѣ карты зъ нимъ въ Хозяйскомъ клубѣ займаются,—значитъ, вѣрутъ.

И Мордка мало-по-малу разсказалъ про Каржолѣ всю подготнуню: и что онъ, сверхъ завода, здѣсь дѣлаетъ, и какъ живетъ, и съ кѣмъ знакомъ, и у кого бываетъ, даже за кѣмъ ухаживаетъ. На этотъ послѣдній счетъ оказалось, что ухаживаетъ онъ за женою мирового судьи, — „таково красшивенькаво мадамъ“, — а самъ „моровая спудья“ ничего этого не замѣчаетъ, только спитъ-себѣ послѣ обѣда да пиво пьетъ; но есть у Каржолѣ соперникъ, и соперникъ этотъ ни кто другой, какъ самъ полицеймейстеръ здѣшній, — тоже большой „зухъ“ на счетъ сердечныхъ дѣлъ, — нужды нѣтъ, что самъ женатый, — только жена у него вѣчно больна, всегда съ флюсомъ ходитъ, подвязанная. И полицеймейстеръ сначала имѣлъ-было у судьи успѣхъ, пока не было здѣсь Каржолѣ, а появился Каржоль, и все это „переверталося“; судья дала полицеймейстеру отставку и занялась Каржолемъ. Полицеймейстеръ и радъ бы ему какой-ни-на-есть подвохъ устроить, подъ-ножку подставить, да все никакъ не удается. А между тѣмъ, со стороны поглядѣть на нихъ — друзья, совѣмъ друзья, и въ карты вмѣстѣ играютъ, и другъ у друга бываютъ, даже покучиваютъ пороу.

Аполлонъ Пупъ все это слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію, находя, что судьба послала ему въ лицѣ Мордки Олейника истинный кладъ.

Спустя около получаса, когда всѣ прибывшіе собрались въ комнатѣ генерала пить чай и закусывать, нумерной доложилъ, что пріѣхалъ полицеймейстеръ и проситъ позволенія войти, желая представиться его превосходительству.

ГЛАВА II.

А. Какъ все это случилось.

Внезапное исчезновеніе Каржолы изъ Украинска прошло въ мѣстномъ обществѣ почти не замѣченнымъ, особенно въ первые дни, въ виду почти совпавшаго съ нимъ еврейскаго погрома, который исключительно занялъ собою всѣ умы, интересы и толки. Да и самимъ Евреямъ не до Каржолы уже было. Въ обществѣ тѣмъ менѣе обратили вниманія на его отсутствіе, что графу и прежде не разъ случалось уѣзжать на время по дѣламъ въ разные мѣста, и потому внезапный отъѣздъ его былъ сочтенъ за самое обыкновенное дѣло. Нѣсколько страннымъ показалось исчезновеніе это одной только Ольгѣ Уховой: какъ, въ самомъ дѣлѣ, удрать чуть не тайкомъ, не предупредивъ ее ни словомъ, ни запиской, и особенно зная ея „положеніе“,—это что-то подозрительное. Ужъ не вздумалъ ли милѣйшій графъ избавиться такимъ маневромъ отъ женитьбы на ней, и отъ нея самой, и отъ своего будущаго ребенка?.. Но нѣтъ, это было бы слишкомъ ужъ подло, на такой поступокъ онъ не способенъ. Такъ думала Ольга и въ первое время все еще чего-то ждала, на что-то надѣялась. Но вотъ, улеглась сенсация и затихли толки, поднятые въ Украинскомъ обществѣ погромомъ; разбитые дома поспѣшно приводились въ надлежащій видъ, мѣстное еврейство успѣло опомниться отъ страха, оправиться, успокоиться и вступить въ колею обычной своей жизни, и вмѣстѣ съ симъ, мало по малу, по городу пошли изъ еврейской среды кое-какіе слухи и толки по поводу Каржолы и его участія въ дѣлѣ Тамары Бендавидъ. Евреямъ, на первыхъ порахъ, казалось выгоднымъ компрометтировать его и всѣхъ предполагаемыхъ его сообщниковъ, подразумѣвая подъ таковыми игуменью Серафиму. Прежде всего, въ обществѣ обратили вниманіе на то, что въ окнахъ дома, который занималъ Каржоль, появились бѣлые билетки, свидѣтельствовавшіе о сдачѣ его внаймы; стало быть, графъ уѣхалъ окончательно или на очень продол-

жительный срокъ, если счелъ нужнымъ сдать свою квартиру. Затѣмъ, въ „Украинскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, въ отдѣлѣ объявленій, появилась публикація о продажѣ лошадей и экипажей, принадлежавшихъ графу,—это еще очевидное свидѣтельствовало, что графъ Каржоль де-Нотреть въ Украинскѣ болѣе не вернется. Что-за странность?! Почему? Отчего? По какой причинѣ?—задавались вопросы во всѣхъ гостиницъ и кабинетахъ украинскаго mond'a. Даже въ канцеляріяхъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ интересовались этимъ вопросомъ; всѣхъ невольно интриговала загадка такого страннаго исчезновенія, всѣмъ хотѣлось знать, въ чемъ дѣло?

Никто не вѣдалъ ничего положительно вѣрнаго, но тутъ-то вотъ, тѣмъ охотнѣе и схватились всѣ за нити разныхъ слуховъ и толковъ, шедшихъ подъ сурдинку изъ еврейскаго и польскаго міра. Заговорили, что графъ, пронюхавъ о миллионномъ состояніи Тамары Бендавидъ, задумалъ на ней жениться и для того вскружилъ ей голову и убѣдилъ принять христіанство; другіе передавали, что и мать Серафима была съ нимъ въ заговорѣ, и онъ общалъ ей за пособничество огромный куртажъ; третьи добавляли, что не только Серафима, но были подкуплены и консисторія, и самъ пресвященный, да кажись, и самъ губернаторъ съ Мон-Симоншей не совсѣмъ-то чисты въ этомъ дѣлѣ. Говорили, что тутъ была-де цѣлая облава на еврейскіе капиталы, цѣлый комplotъ противъ Тамариныхъ миллионовъ, но что старикъ Бендавидъ успѣлъ во-время предупредить интригу, скупивъ всѣ векселя Каржоля, и только этимъ путемъ принудилъ его отказаться отъ дѣла и уѣхать изъ Украинска и, наконецъ, что Каржоль согласился-де на все, выговоривъ себѣ, однако, пятьдесятъ тысячъ отступнаго, которыя и были ему съ рукъ на руки переданы Бендавидомъ. Всѣ либеральные чиновники, адвокаты, судьи и великовозрастные гимназисты приходили въ благородное негодованіе,—вотъ, дескать, каковы у насъ представители православія и правительства! Ясно, что и то, и другое отжили свой вѣкъ и находятся въ процессѣ разложенія, отъ котораго можетъ спасти только одна конституція,—конституція и ничего кромѣ конституціи; другіе же, и въ томъ числѣ Охрименко,